

Анастасия Вербицкая

Репетитор

Анастасия Алексеевна Вербицкая

Репетитор

Аннотация

«Когда, пройдя восемь вёрст, отделяющих деревню Останкино от дачной местности П., студент Иванов подходил к даче присяжного поверенного Охрименко, был уже полдень. На небе не было ни облачка. Весь колорит его, иссера-голубой, с лёгкою лиловатою тенью на горизонте, где словно дымились леса, говорил о долгой засухе и навевал безотрадное чувство. Солнце палило нещадно, и под его лучами поникали и блекли как-то беспомощно и цветы, и хлеба в полях, и леса, и самые дачники...»

Содержание

I	4
II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анастасия Вербицкая

Репетитор

I

Когда, пройдя восемь вёрст, отделяющих деревню Останкино от дачной местности П., студент Иванов подходил к даче присяжного поверенного Охрименко, был уже полдень. На небе не было ни облачка. Весь колорит его, иссера-голубой, с лёгкою лиловатою тенью на горизонте, где словно дымились леса, говорил о долгой засухе и навевал безотрадное чувство. Солнце палило нещадно, и под его лучами поникали и блекли как-то беспомощно и цветы, и хлеба в полях, и леса, и самые дачники.

На Иванове была старая тужурка с заплатанными локтями, выцветшая, обрыжелая. Когда-то синий околыш фуражки теперь позеленел. Иванов знал, что он неказист, и конфузливо оглядывал потрепавшиеся края своих брюк. Но больше всего его заботили сапоги. Они совсем износились за этот месяц, пока он тщетно искал занятий. Так неожиданно он остался на мели. Сговорился он с одной помещицей ехать в её деревню подготовить в гимназию двух подростков-сыновей. И условия были выгодные, и барыня такая симпатичная... Он мечтал отдохнуть в деревне, отоспаться, откор-

миться... Так тяжело далась эта зима... Вспомнить жутко...

И вдруг всё рухнуло. Барыня за неделю до выезда известила его письмом, что ей очень-очень жаль, но она должна отказаться от его услуг. Ей предложили репетитора её знакомые... Они за него *вполне ручались*.

Иванова так была судьба всю зиму, что этот последний удар он вынес почти равнодушно. Он даже не сердился на трусливую провинциалочку. Причины отказа он понимал слишком ясно. Не она первая, – не она последняя... Вредное влияние, чистые детские души и т. д.... Он растерял уже все прежние уроки.

От ходьбы, жары и предстоящего разговора Иванов слегка задыхался. Едкая мелкая пыль дороги забила в ранние морщины его исхудалого лица, в рыжеватую бородку, в углы утомлённых, покрасневших глаз.

«Чёрт чёртом», – сказал он себе, глянув ещё раз на мучившие его сапоги, неуклюжие и серые от пыли. Беда, если подошва отвалится! Как он ни чинил её собственноручно, она угрожала остаться в один прекрасный день на шоссе. Вот и новый расход... И занять-то пока не у кого сапог. У всех уроки, да и ноги почему-то у всех меньше.

Он был уже около дачи.

«Собственная, солидная... Эх, досада!.. Кто их знает, этих буржуев? Ведь, по платью встречают»...

Руки его дрожали, когда он взялся за кольцо калитки.

«Какого чёрта, в самом деле!.. – рассердился он на се-

бя. — Ведь, не милостыню просить иду — урока... Нервы проклятые... Дадут каких-нибудь двадцать, двадцать пять в месяц... В сущности, обоюдное одолжение... А вон, кажется, и моя будущая патронесса»...

Иванов угадал. На террасу вышла полная, румяная брюнетка с усиками, с пышными бандо, напущенными на уши, по моде, с крупными брильянтами в ушах, в летнем свежем туалете. Барыня была, что называется, в соку. Она прищурилась на дорогу.

На звук отворяемой калитки жирный мопс с хриплым лаем кинулся под ноги входившему.

— Кадо, назад! — зычным голосом крикнула хозяйка.

Но Кадо не унимался. У этого почтенного пса были стойкие убеждения. Он чувствовал непреодолимое отвращение к босым ногам нищих, к лаптям крестьян, к грубой обуви рабочего люда — ко всему, что пахло потом, пылью и трудом; ко всему, что характеризует пролетария. Увидав отрёпанные брюки и дырявые сапоги, дерзнувшие переступить порог его жилья, Кадо потерял самообладание.

— Кадо, назад!

В горле пса клекотало бешенство.

Тогда длинные, худые и враждебные ноги остановились, не решаясь сделать хотя шаг вперёд.

Из-за угла дачи выскочили две хорошенькие девочки, в клетчатых свободных платицах, с золотистыми волосами по плечам. Ушастый гимназист, с бумажным змеем в руках, ма-

ленький и вертлявый, вынырнул из-за кустов палисадника и с острым любопытством воззрился на вошедшего.

– Репетитор...

– Новый учитель... Васька, гляди!

– Укусит его Кадошка...

– А вчера водовоза как хватил!

– А булочника-то тогда?

Глаза детей сияли от восторга.

Вдруг произошло нечто неожиданное. Кадо, пригнувшись на передние лапы, только что собирался сделать скачок и впиться зубами в бахрому вражеских брюк, как студент инстинктивно тоже присел на корточки, широко расставив ноги, и свирепо замахал руками на собаку.

– Кш... кш!.. Вот я тебя!

Пёс на мгновение остолебенел в своей воинственной позе. Дерзость незнакомца так поразила его, что, очнувшись, он раздумал кусаться. Но, чтобы не уронить своего достоинства, он ещё сильнее стал лаять и прыгать на своего врага. Иванов инстинктивно повторял эти прыжки и вытягивал руки, защищая костюм.

Детский смех раздался кругом. Гимназист схватился за бока. Вот потеха! Ай да Кадошка!.. Если бы Вася не боялся «взбучки» от матери, он непременно крикнул бы, как тогда на нищего: «Куси его, куси!..»

– Кадо, назад!.. Да возьмите же вы его, наконец!.. Вася... Нина!.. Это Бог знает что!

Ниночка, пунцовая от смеха, вдвоём с подроспевшим гимназистом оттащила за ошейник рассвирепевшего мопса.

С лица студента пот катился градом, проводя заметные борозды по запylённым щекам. Сердце билось болезненными, неровными толчками. Колени подгибались от усталости и волнения. Даже сейчас, несмотря на жару и прыжки, жёлтое, болезненное лицо не покрылось румянцем. Когда он снял фуражку, чтобы вытереть лоб, голова его оказалась лысой.

«Ну уж студент!..» – с досадой подумала m-me Охрименко. Перегнувшись через перила, она сухо крикнула:

– Вы от студента Белова?

– Да...

– Пожалуйте сюда!

«Уж разыскал, удружил... Нечего сказать!.. С таким и церемониться не стоит»...

С террасы послышалось опять угрожающее рычание.

С чувством невыразимого унижения, студент прошёл палисадник мимо детей. Они ему не поклонились. Глазки их сверкали задором и насмешкой... «Как он хватит его сейчас за ноги!.. Молчком!..»

– Вы собаку, пожалуйста, уберите, – сурово сказал Иванов.

Голос его ещё дрожал, и руки заметно тряслись, когда он всходил по ступенькам. Во всей этой маленькой сценке было что-то невыносимо-обидное для его больного самолюбия. «Воображаю, как я был смешон, когда защищал там свои

брюки!...» – со злостью думал он.

Но рычание из-под дивана, где сидела хозяйка, сделалось ещё грознее... «Ой, не подходи!.. Ой, несдобровать!...» – казалось, говорил мопс.

– Он не тронет, не бойтесь, – небрежно усмехнулась m-me Охрименко. – Садитесь, пожалуйста... Кадо, цыц!

С бьющимся сердцем, всё ещё задыхаясь, бледный и злой, репетитор сел у края, на первый стул.

«Какой он страшный!.. Точно сейчас из больницы выписался, – брезгливо думала хозяйка, разглядывая его отёкшее, недоброе лицо. – Кто знает, какие у него болезни были?.. Ещё, пожалуй, заразит»...

– Вы занимались раньше когда-нибудь? – надменно спросила она и подняла высоко свои сросшиеся, густые брови.

Дети, хихикая и подталкиваясь, пробрались за диван. Гимназист, под предлогом унять рычавшего Кадошку, полез под диван и, тихонько сверкая там, в полутьме, белками и тыча пальцем в жирный, сборчатый бок мопса, науськивал его шёпотом: «Чужой... Куси его... Чужой»...

Рычание Кадо подымалось непрерывною трелью всё выше и выше.

– Да, ведь, вам Белов говорил, что я четыре года, как репетиторством занимаюсь...

Тон его ответа был резок.

M-me Охрименко вдруг рассердилась.

– Ступайте, дети, отсюда!.. Нянька, да где вы вечно про-

падаете? Дайте им чаю... Идите же... Вася!.. Кому я говорю?

Дети нехотя скрылись за стеклянную дверь. Но там они прижали свои носики к стеклу и продолжали хихикать.

Вкусный запах котлет и яичницы защекотал ноздри голодного Иванова. Он разглядел через открытое окно край стола, кипящий самовар, варенье, груду булок в корзине... Под ложечкой у него сосало. Но жажда была ещё сильнее, чем голод... Ах, если б ему дали сейчас стакан чаю, он простил бы этой даме и её мопса и всю её грубость буржуазки!

– Вы на последнем курсе?

– Да...

– И неужели вы юрист?

– Что ж это вас так удивляет?

– Вы похожи на медика... Нет, вы сознайтесь лучше...

– Сударыня...

– Я говорила Белову, что ни за что не возьму медика. Они там все в больницах... Могут занести заразу на дом... Ах, знаете... Вы совсем-совсем не похожи на юриста... Сознайтесь...

Губы у Иванова побелели, и глаза сверкнули.

– Вы смеётесь надо мной, кажется?

Он встал резким движением.

«Хррр»... – как-то захлебнулся под диваном Кадо.

– Цыц!.. Кадо!.. Слышишь? Цыц!..

Дети за дверь хватались от хохота за бока.

– Вам подать чаю, барыня? – из окна спросила нянька.

– Нет, я потом. – она махнула няньке рукой. – Ах, какой вы горячий!.. Я пошутила... Присядьте... Вот ваш товарищ Белов – настоящий юрист... Он репетитором у моей подруги Наумовой, Ольги Фёдоровны. Она замужем за...

– Вы меня извините... У меня время дорого... Я не здесь живу... Ваши условия?

М-ме Охрименко поперхнулась и покраснела.

– Разве вам Белов не передавал?.. Десять рублей в месяц... Каждый день два часа.

– Позвольте...

Иванов от неожиданности вскочил и резко двинул стулом. Кадо под диваном тоже вскочил и залился лаем. Мускул щеки у Иванова задёргалось.

– Сударыня... Я вас просил... убрать эту собаку... Я не могу... так... говорить... – он задыхался.

– Какой вы трус! – презрительно усмехнулась м-ме Охрименко. (Она слегка картавила, и у неё вышло «трлус».) – Молодой человек, студент, и вдруг... собак боится!

«И у студента ноги не купленные, – свои», – хотел, было, резко возразить Иванов, но в эту минуту в столовой так приветно зазвенели ложки и чайная посуда. Дети так вкусно чавкали и спорили с набитыми ртами. Иванов проглотил слюну и промолчал. Кривая, жёлчная усмешка исказила на минуту его измученное лицо, и пальцы нервно затеребили козырёк фуражки.

– Катя! – зычным контральто позвала хозяйка. – Дети,

кликните Катю!

– Чего вам?

Горничная, в чистом фартуке, с греческой причёской и завитыми вихрами на лбу, сердито выглянула из двери.

– Возьмите Кадошку... Заприте его у меня в спальне... Вот он, под диваном... Кадо!.. Иси!

Горничная, присев на корточки и шурша накрахмаленными юбками, красная, раздосадованная, манила ворчавшего мопса.

– Да иди же сюда, что ли!.. А, чёрт лупоглазый!.. Ещё кушается...

Она смело ухватила мопса за ошейник и поволокла в комнаты. В дверях она кинула на репетитора взгляд, полный злорадства и презрения. «Этакий ледащий!.. Тоже студент называется»... Она простить не могла Иванову, что барыня, поджидавшая его нынче, заставила её вчера, измученную вконец стиркой, гладить её белое платье.

– Ну уж убила бобра! – говорила она на кухне. – И было бы на что смотреть... Для кого рядиться! Крику-то вчера было сколько, страму!.. С утра подняла, чуть свет, оборки гофрить... И откуда она только такую холеру выискала?

– Ничего, и этот сойдёт, – усмехалась кухарка. – Ей наряди козу в штаны... Она и ей займётся от скуки... Чего ей делается? Так и прёт её с жиру-то...

II

А Иванов опять вытирал пот с лица.

Предупреждал его Белов, действительно, что m-me Охрименко баба-жох, ещё практичнее своего супруга, известного дельца. Говорил он, что и торговаться с ней надо как с извозчиком; но чтобы десять рублей за два часа, ежедневно...

Знал он и по собственному опыту, что нет никого неделакатнее и негуманнее светской дамы, так называемой женщины порядочного общества. Знал, и всё-таки опешил...

– Позвольте, – говорил он, стараясь сдержаться и беспрестанно откашливаясь. (От пыли ли, от жары или от волнения, сжимавшего ему глотку, но он совсем охрип.) – Позвольте... Во что же вы цените наш рабочий час?

– Я... Как вам сказать...

M-me Охрименко вспыхнула и задвигалась пышным телом на диване, который скрипнул под её тяжестью.

– У моих знакомых, – залепетала она, – на тех же условиях лепетитор...

– Вы примите, наконец, во внимание и проход... Я живу в Останкине... Это восемь вёрст отсюда... Чтобы прийти к вам, я теряю часа полтора, по меньшей мере, сюда... и столько же домой... Это выходит пять часов... и шестнадцать вёрст ходьбы... Одной обуви...

– Я в этом не виновата... А вы жили бы поближе, – доб-

родушно усмехнулась m-me Охрименко.

Он поглядел на её румяное безмятежное лицо, напоминавшее сдобную булку, и понял, что надеяться здесь не на что. Жгучая ненависть охватила его к этому сытому, пышному существу. Вся жёлчь поднялась разом со дна души его, где спали задавленные нуждой его обиды, неудачи и разочарования, вся тоска его надломленной в корне жизни.

Он поднялся.

M-me Охрименко сообразила, что он может уйти, и решила испытать последнее средство. Она очаровательно улыбнулась.

– Куда же вы? Не хотите ли стакан чаю?

Нет! Теперь он ничего не хотел. Злоба придала ему силы.

– Вы, сударыня, по всей вероятности. знаете от Белова об исключительных условиях, в которые я поставлен... почему я зимой потерял уроки? И готовы эксплуатировать в свою пользу этот случай. Но, видите ли-с... Я ещё не настолько оголодал... Поищите... Может, найдутся, на ваше счастье, и такие из нашего брата, что согласятся... Я на это не пойду-с. Считаю нечестным, хотя б из принципа, перед товарищами так сбивать цену...

– Она и так сбита, – хладнокровно возразила m-me Охрименко и тоже поднялась. – Знаете ли, эта возрастающая конкurlенция на всех рынках, особенно среди интеллигенции, где предложение всегда превышает спрос... (Она сказала «спрлос».)

Он сходил со ступенек, крепко стиснув заолодевшие губы.

— Ах!.. Какой вы горячий!.. Ну, постойте!.. Мы, может, ещё столкнемся... Сколько же вы хотите? Ну, присядьте... Катя!.. Стакан чаю... Мы с Беловым, действительно, говорили о вашем... несчастье... Ах, молодёжь-молодёжь!.. Ну к чему все эти ваши увлечения?.. Кому вы этим поможете? Только себе портите будущее... Вам вприкуску или внакладку?.. Не стесняйтесь, пожалуйста... Берите... Вот Белов, например... Ну что за милый юноша!.. Никогда у него никаких историй не было. Всегда весел, всегда шутит... И винтит, и танцует, и ухаживает... И все ему рады... Вот видите... Теперь вам надо на лекции заработать, и стипендии вас лишили. А вы фыркаете на десять рублей!.. Там десять, тут десять — ан вышло двадцать... Не хотите ли хлеба? Катя, хлеба дайте!.. Кушайте, пожалуйста... Я не люблю, чтобы стеснялись... Ну, извольте... я вам предложу: ежедневно, двенадцать рублей... Согласны? Ну, два часика, когда и три... Как придётся... А насчёт ходьбы — всё это пустяки!.. Что стоит молодому человеку пробежать в хорошую погоду восемь вёрст?.. Шестнадцать, вы сказали?.. Ну хотя б и шестнадцать?.. Летом, знаете, всё дешевле стоит: и молоко, и яйца, вообще... и ваш труд дешевле... Всё одно к одному... Вот вы летом комнату сняли на даче... Небось, рублей двадцать за всё лето? Зимой дороже платите... Надо и с нас теперь брать дешевле... Вот у меня две коровы... Я продаю

от них дачникам молоко. Верите ли... Только зимой и вижу выгоду... Тут же каждая баба сбивает цену... Так и у вас... Зимой и я бы вам предложила дороже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.